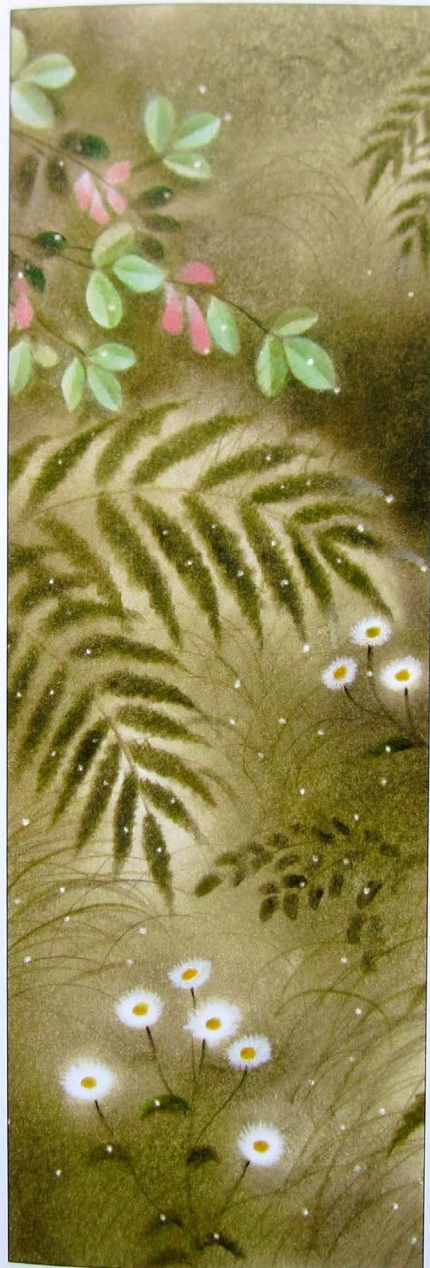
A detailed illustration of a young yellow fox with a white underbelly, sitting alertly in a lush forest. The fox is surrounded by dense green foliage, including ferns and various leaves. Small white flowers are scattered on the forest floor. The overall style is soft and painterly, with a warm, golden-brown color palette.

НАНКИТИ НИИМИ • КЕН КУРОИ

Лисёнок Гон

Нанкити Ниими • Кен Курои

Лисёнок Гон

Москва

Самокат

1.

Эту историю мне рассказал дед Мохэй из нашей деревни, когда я был ещё ребёнком.

Когда-то давно в этих краях, в местечке под названием Накаяма, стоял небольшой замок, хозяином его был почтенный господин по имени Накаяма.

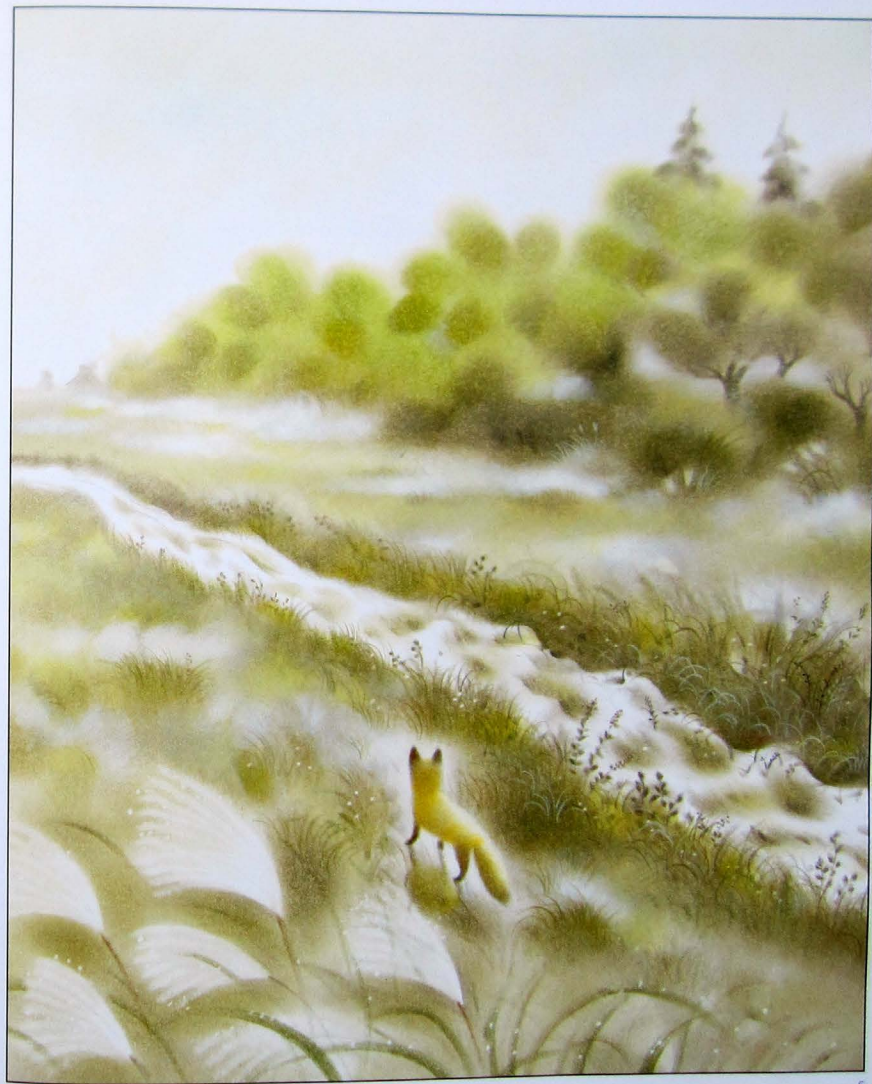
Чуть поодаль, в горах, жил лисёнок Гон. Жил он один-одинёшенек в норе среди зарослей папоротника. То и дело совершал Гон вылазки в деревню, бывало днём, а бывало и ночью, чтобы пошалить да позабавиться. То батат сладкий на поле выроет и разбросает вокруг, то подожжёт стручки рапса, что крестьяне сушат, то красный перец, который на заднем дворе висит, сорвёт и бросит прочь... Чего только не натворит.

Дело было осенью. Дождь зарядил дня на два, а то и на три без остановки, лисёнок на улицу и носа не мог высунуть.

А как дождь прекратился, он вылез наконец из норы. Небо просветлело, а сорокопуты — пташки мелкие — трелями заливаются, только и слышно их *кин-кин*.

Гон добрался до запруды на реке возле деревни. На колосьях прибрежного мисканта блестели капельки дождя. Речушка, которая в иной день чуть не пересыхала, за три дождливых дня стала полноводной. Прежде вода не доходила до стеблей мисканта и кустов леспедецы, а нынче завалило их на бок, залило желтоватой водой. Лисёнок двинулся в сторону низовья реки по тропинке, которую размыло от дождя.

1.

Эту историю мне рассказал дед Мохэй из нашей деревни, когда я был ещё ребёнком.

Когда-то давно в этих краях, в местечке под названием Накаяма, стоял небольшой замок, хозяином его был почтенный господин по имени Накаяма.

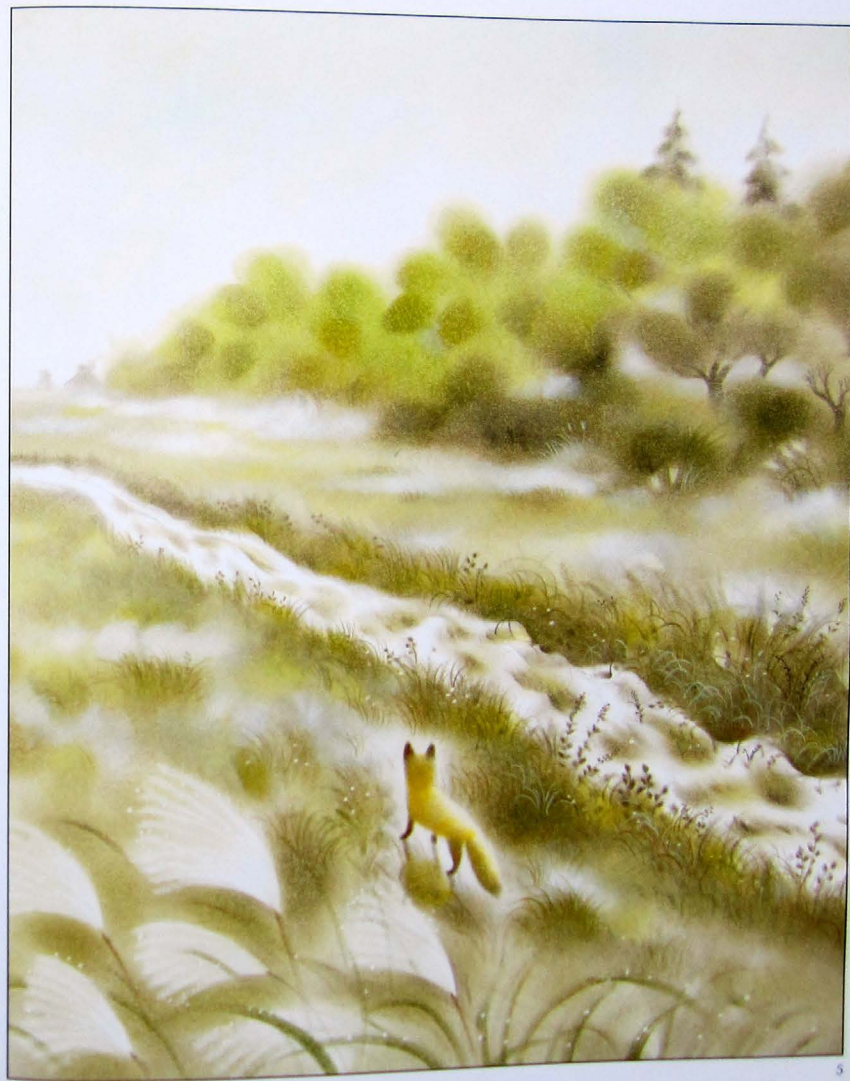
Чуть поодаль, в горах, жил лисёнок Гон. Жил он один-одинёшенек в норе среди зарослей папоротника. То и дело совершал Гон вылазки в деревню, бывало днём, а бывало и ночью, чтобы пошалить да позабавиться. То батат сладкий на поле выроет и разбросает вокруг, то подожжёт стручки рапса, что крестьяне сушат, то красный перец, который на заднем дворе висит, сорвёт и бросит прочь... Чего только не натворит.

Дело было осенью. Дождь зарядил дня на два, а то и на три без остановки, лисёнок на улицу и носа не мог высунуть.

А как дождь прекратился, он вылез наконец из норы. Небо просветлело, а сорокопуть — птички мелкие — трелями заливаются, только и слышно их *кин-кин*.

Гон добрался до запруды на реке возле деревни. На колосьях прибрежного мисканта блестели капельки дождя. Речушка, которая в иной день чуть не пересыхала, за три дождливых дня стала полноводной. Прежде вода не доходила до стеблей мисканта и кустов леспедецы, а нынче завалило их на бок, залило желтоватой водой. Лисёнок двинулся в сторону низовья реки по тропинке, которую размыло от дождя.

Вдруг он заметил, что в воде стоит человек и что-то делает. Гон забрался в густую траву, чтобы его не заметили, и стал наблюдать.

«Никак Хёдзю?» — подумал Гон.

Хёдзю стоял по пояс в воде, подоткнув полы старого чёрного кимоно, и тряс сеть для рыбы.

На лбу у него была повязка — хатимаки, а к щеке, будто огромная чёрная бородавка, прилип листок леспедецы.

Через некоторое время Хёдзю вытащил из воды ловушку для рыбы, прикреплённую в середине сети. Внутри были корни, травяные стебли, потемневшие сучки, но среди всей этой гнили то тут, то там что-то белело и блестело. Гон разглядел брюшки толстых угрей и большой жирной силлагы.

Хёдзю пересыпал рыбу вместе с корнями и травой в корзинку. Ловушку он вновь завязал на конце и опустил в воду.

Взяв корзину, Хёдзю выбрался на берег, поставил её на насыпь, а сам пошёл вверх по течению, словно что-то разыскивая.

Как только Хёдзю исчез из виду,
Гон выпрыгнул из травы и подбежал к корзине.
Захотелось ему напроказить.
Он вытащил весь улов и принялся бросать
рыбин ниже раскинутой сети.
Рыба плюхалась и исчезала
в мутной жёлтой воде.

Под конец лисёнок хотел было схватить толстого угля, но тот оказался таким скользким, что никак не давался. Лисёнок рассердился, засунул голову в корзинку и прикусил угря.
А угорь раз — и обвил лисёнку шею.
Тут появился Хёдзю и закричал:

— Эй, рыжий вор!

Гон подпрыгнул от неожиданности. Хотел он бросить угря, но тот держит его за шею и не отцепляется. Пришлось так и бежать с угрём что есть мочи.

Под ольхой, неподалёку от норы, он наконец обернулся, но Хёдзю уже не было видно.

Теперь Гон мог перевести дух. Он откусил угрю голову и, освободившись, бросил его на траву возле норы.

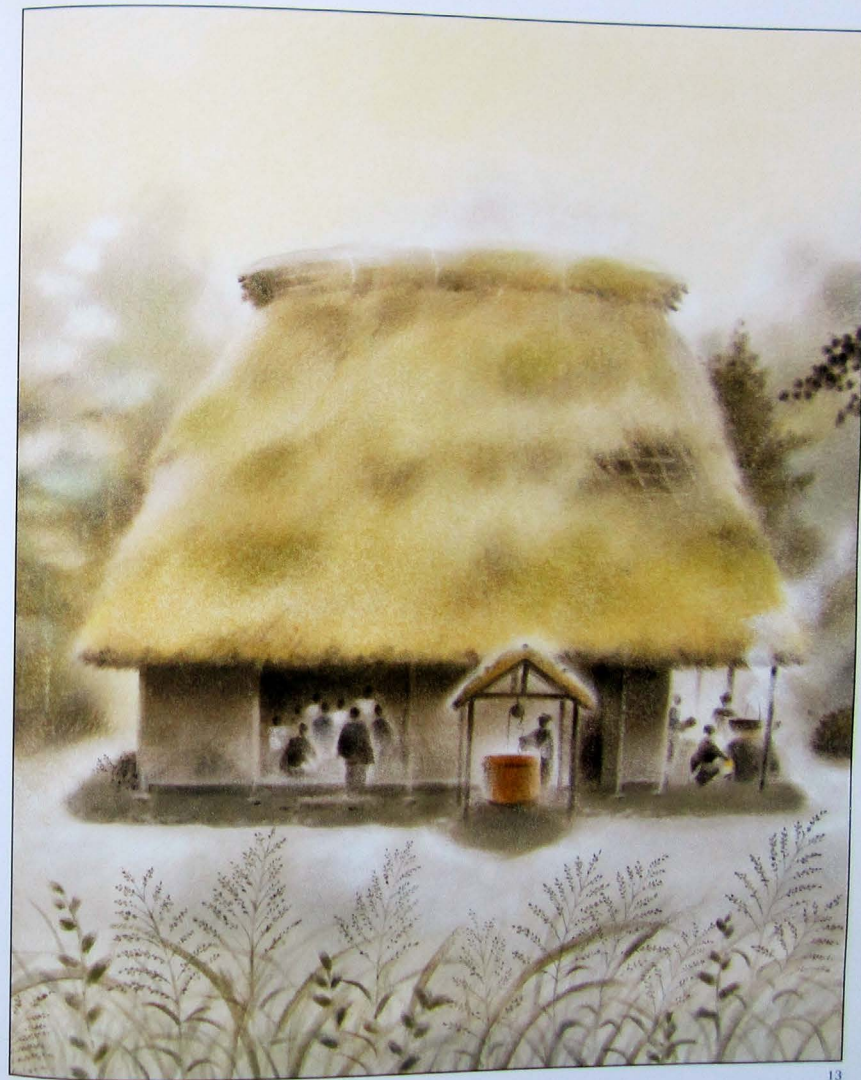
2.

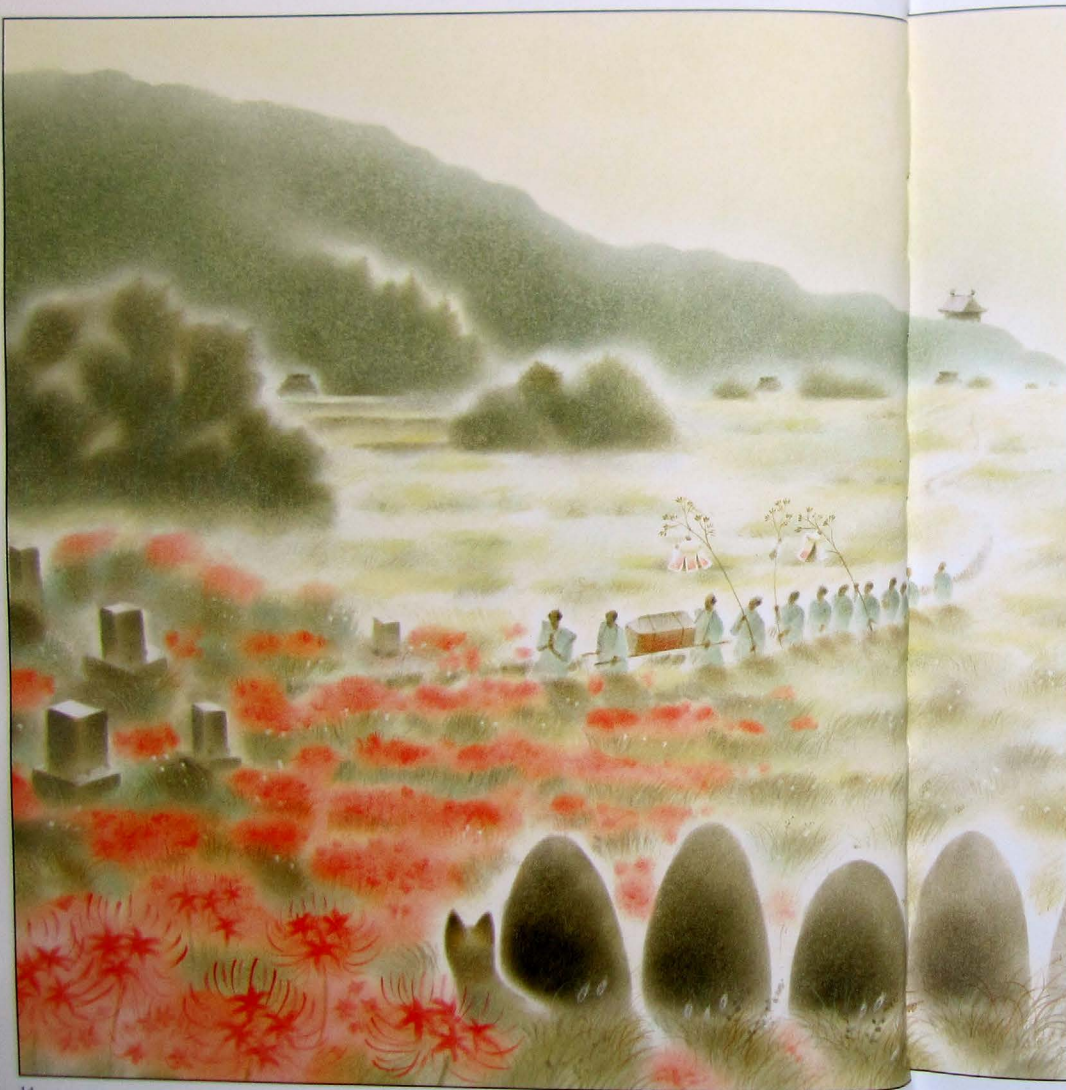
Прошло дней десять. Гон пробегал по двору Яскэ — местного крестьянина, когда увидел, что под фиговым деревом сидит жена Яскэ и чернит себе зубы. А на заднем дворе другого дома жена кузнеца Симбэя причёсывалась.

«Хм, что-то происходит в деревне, — подумал Гон. — Что же это такое? Может, осенний праздник? Хотя во время праздников играют на барабанах и флейтах, а возле синтоистского святилища ставят флаги».

С такими мыслями Гон оказался у дома Хёдзю, во дворе которого был колодец из красной глины. В этом маленьком покосившемся доме собралось много людей. Женщины в выходных кимоно, заткнув за пояс тэнугуи — хлопковые полотенца, суетились подле очага во дворе. В большом котле что-то булькало.

«Так здесь же похороны, — понял Гон, — может, кто из домашних Хёдзю преставился».

После полудня Гон отправился на деревенское кладбище и спрятался за статуей с шестью бодхисатвами Дзидзо. Стоял хороший день, на крыше замка вдали в солнечных лучах блестела черепица. На кладбище повсюду цвёл ликорис — казалось, что это красная ткань. И тут со стороны деревни донеслось *кан-кан*, это звонил колокол. Значит, похороны начались.

Наконец показалась вереница людей в белых кимоно. Вот уже и голоса стали слышны. Люди шли по кладбищу, и на земле оставались примятые цветы ликориса.

Гон чуть высунулся из укрытия. Хёдзю в белом одеянии — камисимо — нёс перед собой табличку с именем усопшего. Он всегда был таким румяным, как клубень красного батата, а сегодня выглядел совсем бледным.

«Вот оно что, у Хёдзю, должно быть,
матушка умерла», — догадался Гон и поник.

Вечером в норе Гон всё думал об этом:
«Наверное, как матушка Хёдзю слегла, так и сказала
сыну: мол, угрей хочу поесть. Поэтому он и поставил
сеть. А я забавы ради утащил его угля.
И Хёдзю не смог накормить матушку.
Вот она и умерла. Так и не отведала угля.
Эх, зачем только я это натворил?»

3.

Хёдзю лущил зёрна ячменя возле колодца.

Вот жили они прежде с матушкой,
бедно жили, а теперь её не стало,
и он остался один на белом свете.

«Он теперь так же одинок, как и я», — подумал Гон,
поглядывая на него из-за сарайчика подле дома.

Хотел было Гон вернуться домой и уже отбежал
от сарайчика, как вдруг услышал голос продавца
сардин.

— Сардины недорого! Свежие сардины!

Гон побежал туда, откуда доносился бодрый голос.
Тут жена крестьянина Яскэ с заднего двора
прокричала продавцу: «Мне продайте сардин».
Продавец остановил тележку с корзиной рыбы
на обочине дороги, подхватил сверкающих чешуёй
сардин и вошёл в дом Яскэ. Улучив момент,
Гон умыкнул из корзины пять-шесть рыбин
и побежал обратно к дому Хёдзю.
Закинув рыбу через заднюю дверь в дом,
лисёнок направился обратно к норе.
Уже на холме, пройдя полпути, он оглянулся:
Хёдзю теперь казался таким маленьким вдалеке,
он всё так же продолжал лущить ячмень
возле колодца.

Гон подумал, что он сделал хотя бы одно доброе
дело, чтобы искупить вину за кражу угля.

На следующий день Гон набрал в горах много каштанов и притащил их к дому Хёдзю. Заглянув через заднюю дверь внутрь, Гон увидел Хёдзю за обедом. С плоской в руках он о чём-то глубоко задумался. Странное дело, щека Хёдзю была расцарапана. «Что же случилось?» — подумал Гон. Но тут Хёдзю пробормотал себе под нос:

— Кто же это надумал подбросить сардины в мой дом? Теперь все считают меня воришкой, а продавец рыбы вон что со мной сделал.

«Плохи дела, — подумал Гон. — Бедному Хёдзю досталось от продавца, вон как он ему лицо-то поцарапал». Лисёнок аккуратно сложил каштаны возле дверей сарая и был таков.

После того два дня кряду Гон собирал каштаны и приносил их к дому Хёдзю. А ещё через день он принёс ему не каштаны, а немного грибов — мацутако.

4.

Был тихий лунный вечер. Гон вышел из норы прогуляться. Пробегая мимо замка господина Накаямы, он увидел, что по тропинке кто-то идёт. Слышались голоса. Где-то стрекотали сверчки — *тин-ти-ро-рин, тин-ти-ро-рин*.

Гон спрятался в траве на обочине и замер. Голоса приближались. Наконец показались крестьяне — Хёдзю и Каскэ.

— Слушай, Каскэ, — говорил Хёдзю.

— Чего?

— Что-то странное у меня творится последние дни.

— О чём это ты?

— Как матушка преставилась, мне кто-то стал приносить каждый день гостинцы: то каштаны, то грибы.

— Хм, и кто же?

— Откуда мне знать? Он подбрасывает их мне, пока меня нет.

Гон побежал за ними.

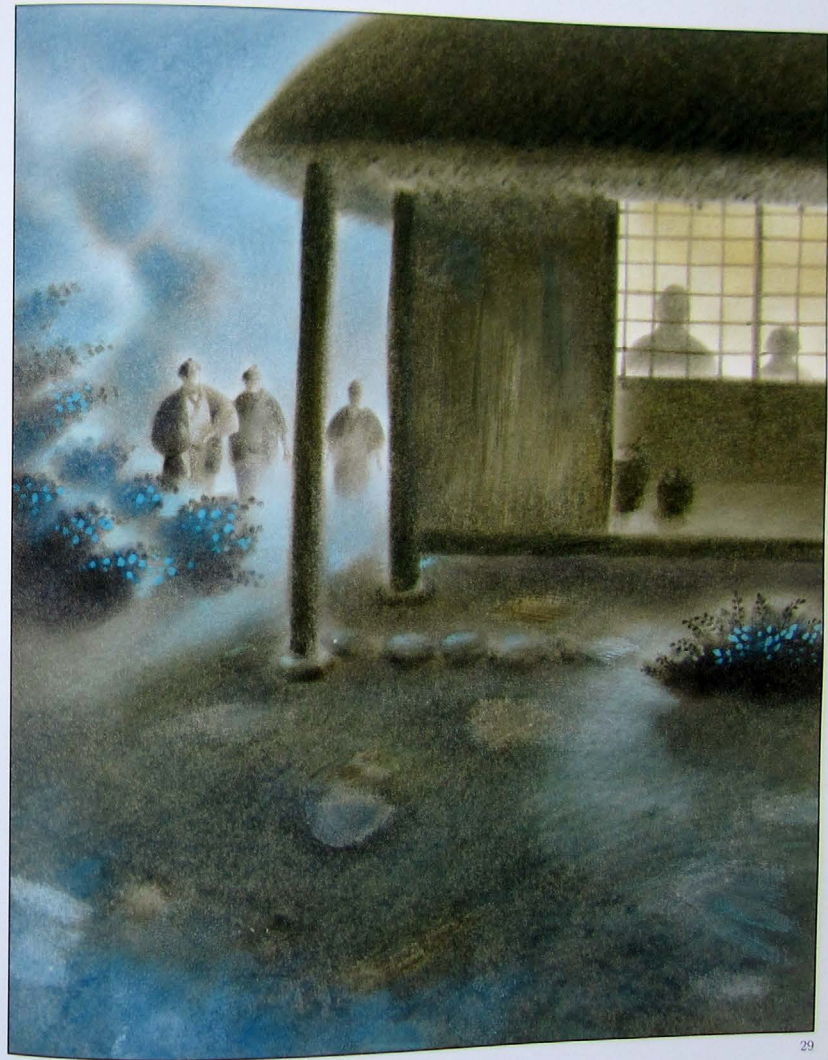

— Правда?
— Говорю тебе, всё так и есть. Не веришь —
приходи ко мне завтра. Я покажу тебе эти каштаны.
— Ох, чего ж только не бывает.

На этом разговор оборвался, и они молча пошли
по дороге дальше.

Вдруг Каскэ резко обернулся. Гон испугался,
съёжился и замер. Но Каскэ не увидел его,
отвернулся и зашагал вперёд. Дойдя до дома
крестьянина Китибэя, двое вошли внутрь.
Донеслись удары гонга: *пом-пом-пом-пом*.
Внутри дома горел свет, а на оконных перегородках
виднелась большая тень от головы монаха.

Гон подумал: «Видно, они там молитвы Будде
возносят», — а сам спрятался за колодцем.
Через некоторое время ещё трое вошли в дом
Китибэя. Было слышно, как читают сутры.

Пока не закончилось чтение сутр, Гон прятался за колодез. Хёдзю и Каскэ вышли вместе и отправились домой. Кон решил подслушать их разговор и покрался за ними. Он, словно тень, следовал за Хёдзю.

Когда они поравнялись с замком, Каскэ сказал:

— Те гостинцы, о которых ты рассказывал, наверняка дар небес.

— Что? — удивлённо переспросил Хёдзю, посмотрев в лицо Каскэ.

— Я всё думал о том, что ты рассказал.

Как ни крути, это не человек, а бог.

Бог тебя пожалел, ведь ты остался совсем один, поэтому посылает тебе помощь.

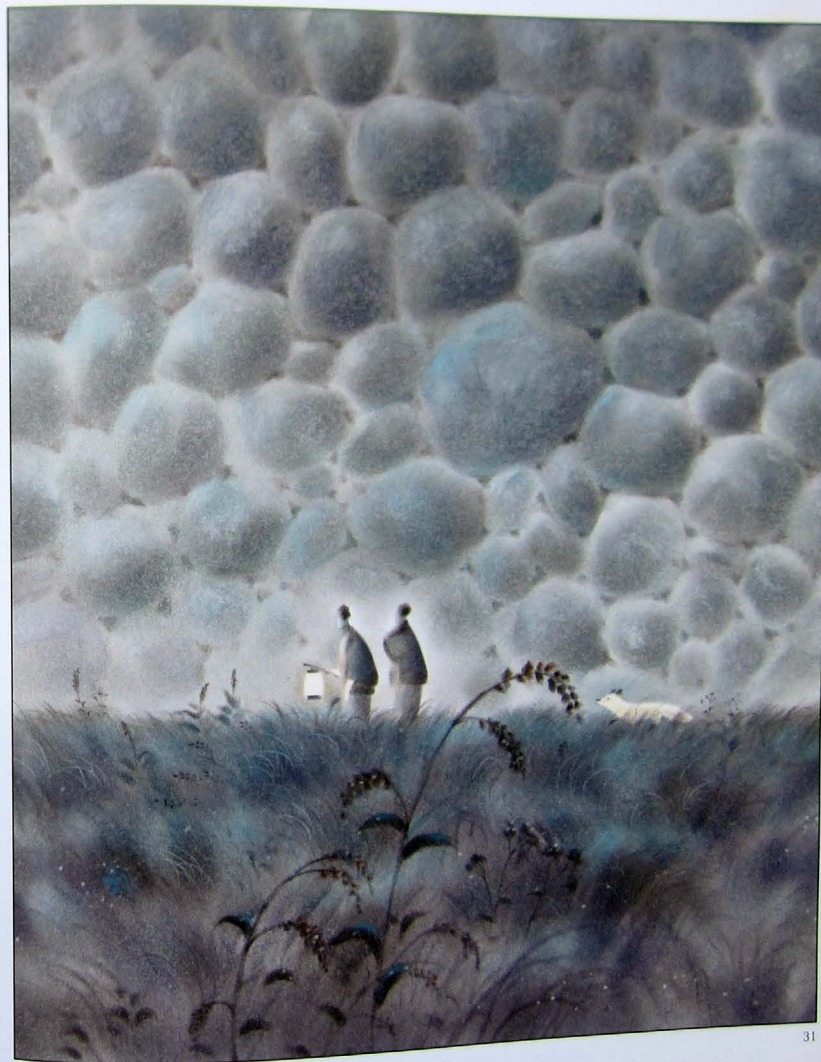
— Думаешь?

— Уверен. Поэтому тебе нужно его каждый день за это благодарить.

— Ну, да.

Гон подумал, что Каскэ совсем глупый.

Ведь это он, лисёнок, приносил каштаны и грибы, а теперь, значит, благодарить за это следует бога, а ему никакой благодарности.

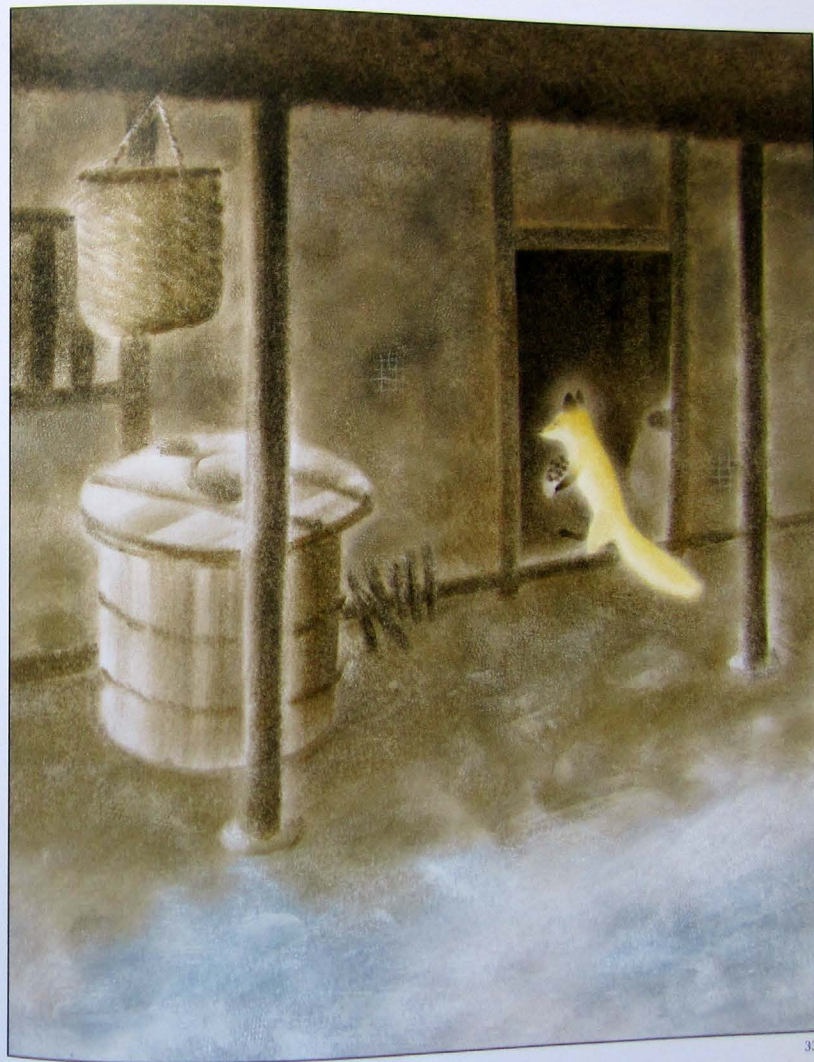

5.

На следующий день Гон отправился с каштанами к дому Хёдзю. Сам Хёдзю вил верёвку в сарае. Гон тихонько пробрался внутрь дома через заднюю дверь.

И вдруг Хёдзю поднял голову: «Неужели ко мне в дом забрался лис? Может, он тот самый рыжий вор, который стащил недавно угря? И теперь пришёл вновь безобразничать».

— Ну, держись. — С этими словами Хёдзю встал, взял из амбара фитильное ружьё и набил его порохом.

Тихонько, чтобы не спугнуть, он подкрался и в тот самый момент, когда Гон выходил из двери, пальнул из ружья. Бах! Гон упал на землю. Хёдзю подбежал к нему. Заглянув в дом, он увидел, что внутри были аккуратно сложены каштаны.

— Ой! — от удивления вскрикнул Хёдзю и посмотрел на Гона. — Так, значит, Гон, это был ты? Это ты приносил каштаны?

Гон, уже не открывая глаз, только кивнул в ответ.

Хёдзю выронил ружьё. Из ствола ещё тянулся голубоватый дымок.

Ниими, Нанкити.

Н61 Лисёнок Гон: [для дошкольного и младшего школьного возраста] / Нанкити Ниими ; ил. Кен Курои ; пер. с яп. Екатерины Рябовой. — М. : Самокат, 2019. — 36 с. — (Нанкити Ниими). — ISBN 978-5-91759-888-8.

Лисёнок Гон живёт в норе среди зарослей папоротника совсем один. Однажды он решил добраться до деревни. И, наблюдая украдкой за человеком, не смог удержаться — украл у него утря. Вот только оказалось, что тот человек теперь тоже совсем один. Что, если лисёнок лишил его чего-то важного?

Нанкити Ниими (1913—1943) написал сказку «Лисёнок Гон» в 17 лет, она стала одной из самых известных его работ. Во многом благодаря этой истории он стал классиком японской детской литературы, которого часто сравнивают с Кэндзи Миядзавой и называют японским Андерсеном.

Text by Nankichi Niimi

Illustrations copyright © 1986 by Ken Kuroi

First published in Japan in 1986 under the title

"Gongitsune" by KAISEI-SHA Publishing Co., Ltd., Tokyo

Russian translation rights arranged with KAISEI-SHA Publishing Co., Ltd.

through Japan Foreign-Rights Centre

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

Литературно-художественное издание

Ниими Нанкити

Лисёнок Гон

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 06

Верстка *Мариц Райдер*

Леттеринг *Андрея Кудрявцева*

Литературный редактор *Марина Нагишко*

Корректоры *Ольга Дергачёва, Надежда Власенко*

Ведущий редактор *Мария Соболева*

Главный редактор *Ирина Балахонова*

Подписано в печать 02.09.2019.

Формат издания 60х90/8. Усл.-печ. л. 4,5.

Тираж 3000 экз. Заказ № 7737.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Россия, Московская область, г. Чехов, ул.

Полиграфистов, д. 1. www.chpd.ru, sales@chpd.ru

ООО «Издательский дом «Самокат»

119017, Россия, г. Москва,

ул. Малая Ордынка, д. 18, стр. 1

+7 (925) 506-17-38, info@samokatbook.ru,

www.samokatbook.ru

Отдел продаж: +7 (499) 922-85-95

sales@samokatbook.ru

**Книги по издательским ценам можно
приобрести в магазинах издательства:**

Москва, ул. Малая Ордынка, д. 18, стр. 1

+7 (925) 506-17-38;

Санкт-Петербург, ул. Мончегорская, д. 8Б

+7 (921) 809-85-19

и в интернет-магазине samokatbook.ru

ERC

3+